

Таким образом, данное исследование, по-видимому, имеет выход не только в приматологию, но и в некоторые этноантропологические и этнологические проблемы.

Сборник включает статью Н.И. Халдеевой «Расо-генетические аспекты изучения эстетического предпочтения морфотипа».

Автор статьи широко известен своими работами в области одонтологической антропологии. Однако в последние годы Н.И. Халдеева занимается исследованиями, представляющими собой новое и притом, с нашей точки зрения, оригинальное и перспективное (особенно в плане пограничных антрополого-психологических исследований) направление в антропологии – антропозетику. Оно исходит из положения, что эстетический фактор, представление о красоте играли существенную роль как на ранних этапах эволюционного становления человека, так и особенно в процессе расообразования, когда физиономический комплекс существенно изменялся. Фактор предпочтения того или иного морфотипа или, напротив, избегания его, по всей вероятности, играл не последнюю роль в подборе брачных партнеров, а следовательно, в процессах, протекавших внутри популяций и в межпопуляционных взаимоотношениях.

Данное конкретное исследование проводилось на основе иной по сравнению с зарубежными программами, которая включала индивидуальный опрос мужчин и женщин по специальным комплексам отдельных черт внешности – цвету волос и глаз, форме носа и пр. Были обследованы группы русских Вологодской, Тверской, Костромской областей, Ставропольского края, а также литовцы, башкиры, татары, марийцы, коми, мордва, чуваша, калмыки, китайцы.

В результате исследования удалось установить меру соответствия предпочитаемого морфотипа (идеала красоты) мужчин и женщин реальным морфотипам данной популяции. Общепопуляционный мужской идеал в большинстве групп оказался близок к реальному морфотипу. Общепопуляционный же женский идеал красоты существенно отклоняется от реального типа.

Таково содержание рецензируемого сборника.

Книга содержит множество таблиц, рисунков, графиков и другого иллюстративного материала, отлично воспроизведенного, издана на хорошей бумаге. Оформление книги, особенно обложки (художник Е.В. Орлова), производит самое благоприятное впечатление. Во всем этом видится значительный вклад ответственной за издание Г.А. Аксяновой и, конечно, Российского гуманитарного научного фонда, по проекту которого книга подготовлена и издана.

В общем и целом рецензируемый сборник, авторами которого являются ведущие отечественные антропологи, актуален по своей проблематике, статьи написаны на высоком теоретическом уровне и, бесспорно, представляют ценный вклад в науку о человеке.

#### Примечания

<sup>1</sup>Hrdlička A. Neanderthal Phase of Man // Journal Royal Anthropol. Inst. of Great Britain and Ireland. 1927. Vol. 57.

<sup>2</sup>Рогинский Я.Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции // Антропологический журнал. 1936. № 3.

<sup>3</sup>Гремяцкий М.А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш // Палеолитический человек. М., 1949.

<sup>4</sup>Акимов В.П. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens // Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 9. М., 1950.

<sup>5</sup>Беневоленская Ю.Д. Проблема этнической краниологии. Л., 1976.

<sup>6</sup>Урысон М.И. Соотносительная изменчивость компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Вопр. антроп. Вып. 34. 1970.

М.И. Урысон

© 1998 г., ЭО, № 1

**В.И. Бушков, Д.В. Микульский. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этно-социальные процессы и политическая борьба, 1992–1995). М., 1996. 169 с. 1 карта.**

В конце 1996 г. в Москве при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований вышла книга В.И. Бушкова и Д.В. Микульского «Анатомия гражданской войны в Таджикистане». Выход книги, на наш взгляд, является заметным событием для российской этнологии и востоковедения. Во-первых, это одно из первых достаточно масштабных и комплексных исследований российских этнографов и востоковедов, посвященных постсоветскому Востоку. Во-вторых, следует подчеркнуть, что, обобщив обширный фактологический материал, авторы книги делают попытку осмыслить этносоциальные процессы, протекавшие в Таджикистане в период гражданской войны. В-третьих, книга представляет собой ценный вклад в изучение этносоциальных процессов в постсоветском Востоке.

гический материал, авторы смогли предложить оригинальную, интересную методологию его систематизации, которая вносит свой вклад в создание новой эффективной методологической базы этнологических и востоковедных исследований. Последнее обстоятельство является весьма важным в условиях совершенно правомерного отказа от классового подхода к изучению жизни общества в странах Востока.

Проблемы Таджикистана представлены авторами книги как синтез экономического кризиса и специфики традиционного социального устройства таджикского общества, по существу претерпевшего лишь поверхностные изменения в советский период (с. 45–46).

Экономический кризис, по мнению авторов, явился, с одной стороны, результатом недостаточно взвешенной экономической стратегии руководства СССР, комментируя которую они дают и весьма нетипичные для советского востоковедения оценки индустриализации как средства преодоления экономической отсталости. «В целом экономика Таджикистана приобрела "квазиндустриальный" характер, при котором современная промышленность остается чуждой традиционным формам занятости местного населения, сохранившего свои социальные структуры, традиционный патриархальный образ жизни...», – констатируют авторы (с. 42). С другой стороны, весьма негативно сказалось и пренебрежение долгосрочными последствиями антропогенной деятельности, широко осуществлявшейся в республике.

Специфика таджикского общества проявляется, во-первых, в устойчивом сохранении традиционно высокой рождаемости. Переломить данную тенденцию коренным образом не смогли ни отчасти интенсифицированные процессы урбанизации в республике, ни ухудшение в последний период времени экономических условий жизни общества (с. 24–36). Причем авторы весьма интересно прослеживают процесс консервации традиционного семейного уклада еще на стадии образования семьи, т.е. на стадии выбора невесты для взрослого сына. Здесь мы подходим к пониманию второй весьма важной особенности брака в таджикском обществе: он не только изначально ориентирован на большое количество детей, но и в большинстве случаев является эндогамным, так как заключается внутри тех или иных замкнутых общественных групп – семейно-клановых, сословных, территориальных. При этом кровнородственная родовая группа остается сердцевиной общества при сравнительно незначительной самостоятельной роли малой семьи (с. 11–24). Эта существеннейшая деталь определяет еще одну принципиальную особенность таджикского общества, а именно, специфический тип индивидуального и общественного сознания, отличающихся «ярко выраженным коллективистским духом» (с. 37). То, что в Таджикистане так и не произошло становления индивидуального личностного сознания позволило авторам сделать справедливый вывод о том, что «социальная структура таджикского общества в основе остается прежней и отличается от той европеизированной модели, которую хотели бы заложить в основу его оценки некоторые исследователи, исходя из фактов поверхностной трансформации его структур» (с. 20). Обосновывая последнее положение, авторы выходят за рамки широко распространенного в советское время ошибочного исследовательского стереотипа, в соответствии с которым изменения в образе жизни небольшой части общества, как правило, его верхушки, автоматически распространялись на все население той или иной национальной республики.

Особенностями общества с теми специфическими характеристиками, которые выделяют авторы, является, во-первых, высокая степень подверженности влиянию зачастую авантюристических политических лозунгов, а следовательно сравнительно легко достижимая его политическая дестабилизация. По существу в этом ключ к пониманию начала развития многих здешних политических конфликтов. Во-вторых, как отмечают авторы книги, «мусульманское право – шариат – оказалось идеально подходящим для такого общества, так как изначально было сориентировано на регулирование жизни общины и определяло нормы отношений не между индивидом и государством, а между индивидом и общиной» (с. 37). Таким образом, правомерно говорить о наличии потенциальной возможности исламизации подобных обществ, которая неизбежно проявляется под воздействием определенных факторов. Чем же важны данные выводы? Во-первых, они, с большой степенью вероятности, являются верными для большинства постсоветских обществ как в Центральной Азии, так и на Северном Кавказе и могут быть использованы в качестве продуктивной посылки их исследования. В частности, весьма полезно их приложение и к чеченским событиям как объясняющих эффективность противостояния местного населения российской армии.

Как востоковеду-туркологу, мне хотелось бы обратить особое внимание на те обобщения методологического характера, содержащиеся в книге, которые могли бы оказаться весьма полезными при изучении современной Турции. Трансформации, происходящие ныне в турецком обществе, во всяком случае в его наиболее европеизированной части, по всей видимости, не могут рассматриваться как поверхностные по аналогии с теми, что наблюдались в Таджикистане. Однако в Турции они имеют выраженный региональный характер. И если запад Турции являет свидетельства довольно глубокой модернизации, то восток страны по-прежнему во многом представляет то самое традиционное общество, которое основывается на сохранении актуальности кровнородственных связей и традиционной социальной иерархии. В такого рода обществе с выраженным коллективистским сознанием становится вполне понятным феномен значительного усиления происламских настроений в условиях известной эволюции властей по смягчению отношения к исламистам всех течений и ориентаций в русле развития демократического процесса в

обществе. С большой долей вероятности можно предположить, что на востоке Турции, также, как и в Таджикистане, очагом распространения исламских взглядов являются соседско-родовые общественные структуры. Однако при этом, несомненно, что в Турции относительно более высок удельный вес и начавших придерживаться исламских взглядов носителей индивидуального сознания, присоединившихся к сторонникам ислама по конъюнктурно-политическим соображениям или из-за относительного ослабления влияния ведущих светских партий. Тем не менее, не будет ошибкой сказать, что деление общества на светскую и активно исламскую части во многом тождественно делению на носителей индивидуального сознания (западного) типа и носителей коллективистского сознания, легко признающего нормы мусульманского права. Миграционные же процессы в Турции, основное направление которых с более отсталого Востока на более развитый Запад, приводят к тому, что прогрессирующая исламизация общества начинает захватывать и крупнейшие города Турции, в первую очередь Стамбул.

При описанной выше преобладающей модели распространения ислама в обществе, совершенно ясно, что его члены охватываются религиозными взглядами весьма высокими темпами. Данное обстоятельство не может не вызывать беспокойства по поводу перспектив развития турецкого общества, что является источником определенного социального напряжения и в самой Турции, и среди армейского руководства страны, традиционно выступающего хранителем принципов лаицизма.

Таким образом, можно говорить о высокой степени актуальности методологических исследовательских принципов, предложенных авторами книги и достаточно широких возможностях их использования.

*Н.Ю. Ульченко*

© 1998 г., ЭО, № 1

**Имя и этнос / Р.Ш. Джарылгасинова, В.Н. Шикарев. М., 1996. 188 с.**

Рецензируемый сборник статей «Имя и этнос», подготовленный Группой ономастики Института этнологии и антропологии РАН, продолжает научные публикации по проблемам этнической ономастики<sup>1</sup>. Статьи, представленные в данном труде, объединены одной идеей – взаимодействие ономастики и этнографии. На материалах разных народов мира авторы показывают важность привлечения ономастических данных для решения кардинальных проблем этнографии. Свидетельства разных направлений ономастики являются ценными источниками для исследования проблем этногенеза, в том числе этнической истории, расселения народов, этнокультурных контактов. В сборнике представлены статьи по общим вопросам ономастики, по этнонимии, антропонимии, теонимии, топонимии.

Сборник посвящен памяти Владимира Андреевича Никонова (1904–1988) – выдающегося ученого, более 20 лет возглавлявшего Группу ономастики ИЭ АН СССР – ныне ИЭА РАН.

В разделе «Общие проблемы ономастики» представлены две статьи. На богатом архивном материале П.Н. Парфенова исследует этнонимы и этнонимические антропонимы Зауралья XVI–XVIII вв., в период его первоначального заселения русскими (с. 10–17). Автор отмечает, что памятники русской письменности Зауралья этого периода – ценный источник для изучения этнокультурных контактов населения региона. Привлекает внимание статья Н.Ф. Мокшина «Мордовско-тюркские этнокультурные связи (по материалам этнонимии и антропонимии)» (с. 18–22). Автор отмечает, что мордовский народ заимствовал от соседних тюркоязычных народов много домусульманских личных имен, а также небольшое количество мусульманских имен, главным образом, иранского и арабского происхождения. Н.Ф. Мокшин считает этнонимы мордва и эрзя иранизмами: в их основе, по его мнению, таджикское мард «мужчина» и иранское арсан «самец, мужчина, герой».

В разделе «Этнонимия» представлены исследования по этнонимии народов Кавказа в 80-е гг. XIX в. (Н.Г. Волкова) и этнонимии ахалцихских турок (месхетинцев) (А.Г. Осипов). Новые материалы представлены в работах по этнонимии ороченгов (В.А. Уголуков) и улъта Сахалина (Л.И. Миссонова). Впервые в нашей науке в статье О.В. Егорунина дана полная обобщающая сводка по этнонимии народов Лаоса. Истории этнонима «бай» посвятил свою работу Г.Ю. Ситнянский.

Примечательна статья Н.Г. Волковой «Этнонимия в трудах экономического обследования Кавказа 1880-х годов» (с. 24–32), в которой автор продемонстрировала сложность ономастических исследований в этом многоязычном регионе, где нередко этнонимы и топонимы тесно связаны, что характерно для мест расселения народов, имеющих разветвленную родоплеменную структуру.

Большой интерес представляет статья А.Г. Осипова «Этнонимия ахалцихских турок (месхетинцев)» (с. 33–42). Ахалцихские турки – тюркоязычные мусульмане-сунниты. В генезисе месхетинцев, помимо собственно анатолийских турков, основное участие приняли отуреченные грузины-мусульмане. Уже в XIX в. они считали себя не грузинами, а турками. Но в первой половине нашего столетия на вопрос о самоназвании